

Филологические науки

**ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ
МЕНТАЛИТЕТА В ЖЕНСКОЙ
ЯПОНСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРИОДА ХЭЙАН**

Шуплецова Ю.А.

Шадринский государственный педагогический институт, Шадринск, e-mail: 5ok@bk.ru

Эпоха Хэйан в японской истории и культуре стала одним из самых ярких, неповторимых периодов, продолживших традиции Нарского периода и заложивших важные этические, эстетические, нравственные основы, ставшие на многие века неотъемлемой частью жизни страны. Период мира и спокойствия породил ярчайшую культуру и литературу Японии. Хэйан ознаменовался также формированием собственной японской культуры, базирующейся на китайской и корейской философии, но именно в это время начинается постепенный отход от классических зарубежных канонов и создание национальной основы, начинается формирование национального японского языка, отразившего все многообразие сложных для европейского сознания отношений в обществе, строгую иерархичность. «Сама жизнь требовала, чтобы вошел в литературу язык, на котором говорил весь народ, чтобы было завершено создание письменности...» [3; с. 239]. *И этот живой японский язык проник в литературу благодаря распространенной в то время женской прозе, создававшейся на хирагане, прозе, отразившей наиболее характерные для японской литературы черты – интимность, дневниковость, откровенность, эстетизацию стиля, созерцательность, тщательное внимание к бытовым мелочам, – то, что явилось одной из главных черт сознания японского народа.* «Женщина, несмотря на всю ограниченность доступного ей развития, раньше выросла в содержательного человека, чем мужчина, во власти которого она находилась...» [3; с. 282], *потому, несмотря на свою внешнею зашоренность, даже в эту эпоху, женщина, тем не менее, обладала крайней наблюдательностью и вниманием к мелочам, казалось бы, иногда не заслуживающим упоминания, таким образом формируя представление о мировоззрении целого народа. И пусть литература средневековой Японии создавалась преимущественно аристократами, и произведения «в основном рисовали жизнь придворных кругов, отражали интересы и идеологию аристократической среды», которая «жила обособленно от страны и народа, замкнувшись в кругу своих интересов» [3; с. 230], однако она отразила в своих памятниках наиболее характерные и до сих пор актуальные в той или иной мере взгляды японского народа на жизнь. Никакая добровольная или вынужденная изоляция высших*

кругов не могла предотвратить проникновение во взгляды верхушки особенностей менталитета, *характерных* для всей страны в целом, а не для отдельных ее слоев, «...здесь необходимо учесть общий идеологический фон и своеобразную устремленность мировоззрения, присущие японскому народу в целом во все времена его исторического существования...» [2; с. 27].

Данная статья направлена на выявление наиболее характерных и ярко выраженных черт менталитета японского народа, сохранившихся в обществе до настоящего времени в произведениях виднейших писательниц средневековой Японии «Дневники Мурасаки Сикубу» (X–XI вв.) и «Записки у изголовья» (X–XI вв.) Сэй-Сёнагон, закрепивших «представление о женских жанрах» [6; с. 17]: дневниковых записей или дзуйхицу, популярных в литературе того времени и позволявших отходить от намеренного изящества и писать «что в голову взбредет» [6; с. 17].

Безусловно, принадлежность обеих писательниц к аристократии, их приближенность к императорскому двору наложили свой неизгладимый отпечаток на содержание произведений, на темы, рассматриваемые в них, на образы. Очень подробно, детально раскрывается жизнь придворных дам: их будни за ширмой, встречи, внешний облик, окружающий в ограниченном пространстве мир, обряды, *традиции*, обычаи, *своиственные* времени эпохи Хэйан. *Но помимо этого насыщена женская проза деталями, отражающими менталитет японцев.*

И, прежде всего, это поиск красоты в обычных вещах, *наслаждение маленькими радостями жизни, ведь* «не будет большим преувеличением назвать национальной религией японцев культ красоты. Именно эстетические нормы во многом определяют жизненную философию этого народа. Японцам присуще обостренное чувство гармонии. Художественный вкус пронизывает весь уклад их жизни. Эстетизм японцев основывается на убеждении, что красота присутствует в природе всюду и от человека требуется лишь зоркость, чтобы увидеть ее...» [4; с. 13]. Несомненно, самое первое, в чем жители страны Восходящего солнца ищут красоту – это природа, интерес к которой лежит в основе религии синто, не преобразующей, не подавляющей, а старающейся сотрудничать, взаимодействовать с природой, сохраняя ее первозданность. Этот культ естественной красоты, привел к способности довольствоваться малым, ценить «прекрасное во всем, что окружает человека в его будничной жизни, в каждом предмете повседневного быта» [4; с. 19]. Не случайно, ряд отдельных глав в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон носит название «Горы», «Рынки», «Горные пики», «Равнины», «Пучины»,

«Моря», «Здания», «Госпожа кошка, служившая при дворе», «То, что радует сердце» и т.д. Отсюда наравне с прелестью белых краев гор, слегка озарившихся светом, летней ночи, «когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки», бросающим яркие лучи закатным солнцем воспеваются в женской прозе периода Хэйан «засохшие листья мальвы, ...игрушечная утварь для кукол, ...глоток воды посреди ночи, ... серебряные щипчики, которые хорошо выщипывают волосы бровей» [5; с. 286, 325], заложенные в книгу лоскутки шелка, играющие дети, гигиенические процедуры, чистая бумага, на которой пишут тонкой кистью, или узор «древесины, тронутой гниением» [1] и др. Для понимания японской ментальности культ естественного имеет принципиально важное значение, потому что европейскому сознанию невозможно представить и смириться с упоминанием как данности в художественном произведении физиологических потребностей человека, как например, сцене с младенцем, замаравшим одежду отцаристократа: «Глядите! – радостно воскликнул он. – Мальчишка меня обрызгал. Один брызгает, другой сушится – все идет как надо!» [1]. Но Япония никогда не создавала из этого культ стыдливости, греховности. Физиология являлась неотъемлемой частью жизни, той естественностью, которую стеснялись и скрывали европейцы, тем, из-за чего иностранцы и по сей день осуждают японцев и «иной раз начинают вести себя причудливо» [7; с. 12].

В силу признания и культивирования естественности отсутствует в женской прозе и намеренная идеализация знати, свойственная средневековой литературе Европы, создающей образ величественный как внутренне, так и внешне, без каких-либо изъянов. Японская литература, восхищающаяся красотой лица, тела, одежды, характера, души, тем не менее, смело и совершенно спокойно рассказывает об опухшем от слез лице, неаккуратно выщипанных бровях, отвратительном ведущим себя пьяных мужчинах, мерзких сплетнях, распространяемых при дворе и т.д. Притом японцы не делят людей на хороших и плохих, как долго делалось в литературе Европы, от чего зависело описание того или иного персонажа, нет, в японской прозе выглядеть некрасиво и неэстетично может любой человек, невзирая на сословия и отношение к нему автора. Такой странный для европейцев взгляд на мир легко объясняется утверждением Мурасаки Сикибу: «Каждый устроен по-своему, и нет человека, который был бы законченным злодеем. Нет и таких, кто сочетал бы в себе все достоинства: красоту, сдержанность, ум, вкус и верность. Каждый хорош по-своему и трудно сказать, кто же действительно лучше. Впрочем, говорить так – значило бы брать на себя слишком большую смелость» [1]. Для японского мировоззрения изначально характерен взгляд на

человека как на симбиоз добра и зла, «у всякой души есть как бы две стороны: мягкая и жесткая, подобно тому, как одна и та же рука может разить врага и ласкать ребенка. Нельзя ценить лишь душевную мягкость, порицая жесткость, или наоборот. К жизни надо всякий раз обращаться именно той стороной души, какой надлежит» [4; с. 40].

Такая же странность наблюдается и в отношении к еще одной стороне человеческого существования – связи между мужчиной и женщиной. *Культ естественности, определивший сознание японца, нашел свое отражение* и в том, на что европейцы смотрели как на грех, осуждая и порицая любое физиологическое взаимодействие между полами, кроме узаконенного церковью. Женская японская проза периода Хэйан изобилует примерами любовных встреч под покровом ночи, *тихих* и осторожных приходов мужчин, умиротворенного сна после ночи любви женщин. Это преподносится в произведениях как данность, которую никто не отрицает. Частые любовные приключения не приветствуются обществом, но если все покрыто завесой ночи, то не стоит искать в этом низость и пошлость. Как писала Сэй-Сёнагон: «...глазеть на девушек, – это непристойно. Следует оставить все на своих местах до самой ночи» [5; с. 357], или в «Дневниках Мурасаки Сикибу»: «Сановники и те молодые люди, которые должны были выступить с танцами, также затворились во дворце, отчего женские покои сделались весьма шумны в эту ночь» [1]. Темнота служит женщине оправданием. Писательницы легко относятся к роли временной возлюбленной, не видя в этом унижения или оскорбления. Непониманием отмечают они обращенные к собирающейся под венец даме обвинения в отсутствии «прежней наивной прелести» [5; с. 278], *задаваясь вопросом: «...разве малая честь для мужа, если его жену титулуют госпожой найси-но сукэ?»* [5; с. 278]. Такую свободу в отношении Н.И. Конрад назвал «распущенностью нравов» [3; с. 269]. Для европейского сознания это действительно выглядит так, но для японцев – это отсутствие видения первородной греховности, веками утверждавшейся на Западе. Физиологическая сторона отношений никогда в Японии не была предметом особого разговора. «Японцы не только терпимо, но даже благожелательно относятся ко всему тому, что христианская мораль называет человеческими слабостями... секс в этой стране никогда не осуждался ни религией, ни моралью. Японцы никогда не смотрели на секс как на некое социальное зло... японская мораль весьма снисходительна к человеческим слабостям. Считая их чем-то естественным, она отводит им хотя и второстепенное, но вполне узаконенное место в жизни» [4; с. 39–40].

В отношении к любовным связям проявилась еще одна важная черта японского ментали-

тета – регламентированность жизни. Несмотря на наблюдаемую свободу, японцы даже в сфере личного пространства следуют строгим правилам, традициям, которые никто не смеет нарушать. Индивидуальность возможна только в рамках общих разрешений-запретов, которые обсуждению и тем более осуждению не подлежат. Потому и прячут за занавеской своих любимых придворные дамы, что нет у них официального разрешения, как впрочем и запрета, на такого рода отношения. Но в любом случае наипервейшим становится соблюдение хорошего тона, как главного критерия оценки японца. Следование строгим правилам японского мира – это закон, не нарушаемый до сих пор. Церемониальность, *иерархичность* – то, без чего не мыслима жизнь японцев. Правильно выраженная благодарность, постоянные поклоны, соблюдение неписанного закона – всему свое место. Потому так трепетно относятся придворные дамы к различного рода ритуалам: «В цветах одежд соблюдались запреты. Никому не позволили наряжаться так, как он того пожелает», «Высшие сановники получили одежды для жен, а также одежду и одеяла из числа подношений новорожденному. Придворным четвертого ранга полагалось по набору одежд на подкладке и хакама. Придворные пятого ранга получили по набору одежд, шестого – по паре хакама. ... Подарки были розданы в соответствии с рангами [1]. Однако в тех случаях, когда речь идет о соблюдении правил с незнакомыми людьми или людьми, стоящими ниже тебя по положению, наблюдается ярко выраженная гибкость

отношений. Это обусловлено соотношением в японском мире понятий «мир» и «личное пространство», «близкое» и «далекое». Все, что не знакомо и не близко японцу не воспринимается им как имеющее необходимость соблюдения законов общения. Церемониальность касается только близкого и вышестоящего по положению круга лиц, все остальное подобной учтивости не заслуживает априори.

Таким образом, женская проза средневековой Японии является огромным материалом для изучения отражения специфики менталитета нации, поскольку формируется в момент борьбы за самобытность японского народа. Основопологающий для японского менталитета культ естественности обусловил своеобразие взглядов японцев на окружающий мир, отношения между мужчиной и женщиной, наделив их определенной долей свободы, *тем не менее, подчиненной строгим законам* и правилам патриархального японского общества.

Список литературы

1. Дневник Мурасаки Сикибу [Электронный ресурс]. – URL: <http://readr.ru/murasaki-sikibu-dnevnik.html?page=12> (дата обращения 10.01.2012).
2. Конрад Н.И. Очерки японской литературы. – М.: Худ. лит., 1973.
3. Литература Востока в средние века: в 2 ч. Ч 1. / под ред. Н.И. Конрада. – М., 1970.
4. Овичников В. Ветка сакуры. – М.: Мол. гвардия, 1971.
5. Сэй-Сенагон Записки у изголовья // Средневековая японская литература. – М.: Эксмо, 2009. – С. 253–567.
6. Сумм Л. Очарование печалью вещей // Средневековая японская литература. – М.: Эксмо, 2009. – С. 7–27.
7. Штейнер Е.С. Приближение к Фудзияме. – М.: Слово/Slovo, 2011.

Философские науки

ФИЛОСОФИЯ И СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Петинова М.А.

Самарский государственный технический университет, Самара, e-mail: shloss@yandex.ru

Всем известна всеохватывающая позиция философии в высшем учебном заведении. Являясь отдельной дисциплиной, в традиционном образовании она занимает весьма особое положение между науками о природе и сознании человека. Как пишет Р. Хатчинс: «Целью высшего образования является мудрость. Мудрость же есть знание принципов и причин. Следовательно, метафизика есть наивысшая мудрость... Если мы не можем обращаться к теологии, то мы должны обратиться к метафизике. Без теологии или метафизики мир не может существовать» [Цит. по: 2. с. 43]. Из приведенного суждения следует, что философия воплощает в себе некое интеллигентное пространство и смысл, в нем заключенный, который независим от науки и имеет

вечную ценность. Кроме того, именно философия, в данном контексте, составляет основу университетского образования, прививая навыки самостоятельного мышления, а также осуществляет важную культурологическую миссию: синтезирует, уравнивает, дополняет науки о природе, учением о творчестве человеческого духа. Не случайно, в немецкой философской традиции для обозначения области гуманитарных наук использовался термин «науки о духе». К творениям человеческого духа относятся: произведения искусства, язык, социальные институты, религии и т.д., которые раскрываются для исследователя гуманитарного познания как символы и знаки сущности человеческого бытия как бытия культуры. В философии направления, защищающие особый характер гуманитарного познания – философия жизни, неокантианство, феноменология, экзистенциализм, философская герменевтика.

Гуманитарные науки необходимым образом отличаются от естественных наук. Они отлича-